

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
И АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной
литературы

Издается с 2018 года

№ 1 (20) 2024 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т65

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
И АВАНГАРД

Журнал «Традиции & Авангард» № 1 (20) 2024. — Москва:
Интернациональный Союз писателей, 2024. 244 стр.

ISSN 978-5-6051476-7-1

Новый номер журнала получился очень публицистическим: именно драматические произведения, а также статьи и очерки занимают большую часть выпуска. Они заставляют читателя задуматься о текущем дне и возможном будущем страны. Разделы «поэзия» и «проза» тоже не оставят читателей равнодушными: в них авторы размышляют о судьбах человечества и собственном месте в жизни, порой погружая в атмосферу зловещей мистики или гротеска и абсурда.

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
Делаем преимущества
очевидными

© Интернациональный Союз писателей, 2024
© Галина Березина, 2024
© Даниэль Орлов, 2024
© Арсений Ли, дизайн, 2024
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	4
ПРОЗА, ПОЭЗИЯ	
Ефим Бершин. Монолог осколка. <i>Стихи</i>	6
Андрей Галамага. Привычка русская свой крест нести... <i>Стихи</i>	15
Сергей Авилов. Ёлка. <i>Рассказ</i>	26
Антон Шагин. Дело в том, что оно так надо... <i>Стихи</i>	31
Анатолий Бимаев. Рептилоиды. <i>Рассказ</i>	37
Татьяна Филиппова. Заговоры. <i>Стихи</i>	51
Владислав Корнейчук. Настоящая любовь. <i>Рассказ</i>	58
Андрей Новиков. Клопы фон Ляша и другие рассказы	66
Виталий Молчанов. На любимом русском. <i>Стихи</i>	77
Павел Крусанов. Не Дюймовочка. <i>Новелла из романа</i>	81
Константин Комаров. Воздаяния здесь редки... <i>Стихи</i>	102
Влад Шурыгин. Побывка. <i>Рассказ</i>	108
Юрий Лунин. Как этот. <i>Рассказ</i>	115
Наталья Мелёхина. Солнечные пятна. <i>Рассказы</i>	124
ДРАМАТУРГИЯ	
Елена Нестерина. Мать Фелицата. <i>Пьеса в 2 действиях</i>	135
ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК	
Герман Садулаев. Тетради. <i>Фрагмент очерка</i>	180
Иван Образцов. О страданиях вечных и... о литературе. <i>Статья</i>	214
Нина Ищенко. Донецк в сердце русского мира. <i>Статья</i>	237

ОТ РЕДАКТОРА

То, что выпало на наш век, назовут Великой Русской Освободительной войной. Возможно, историки придумают иное, схожее по смыслу, определение тому, как русские освобождали себя и остальной мир от скверны, но суть останется прежней: великое испытание. Отвечает ли литература сегодняшнего дня глобальным вызовам для Отечества?

Через тридцать или даже через пятьдесят лет потомки, в недоумении листая страницы современных нам толстых литературных журналов, будут силиться понять этот «феномен страуса»...

Русская литература отвечает? Если судить по книгам, что выходят в крупных издательствах, по тому, что печатают «толстяки», ничего не происходит. Разве что «сгустились тучи над демократией», стало «тяжело дышать» и приходится прибегать к эзопову языку, чтобы передать растерянность жнецов эрзац-словесности.

Через тридцать или даже через пятьдесят лет потомки, в недоумении листая страницы современных нам толстых литературных журналов, будут силиться понять этот «феномен страуса»: вокруг война, а на страницах «толстяков» назло всему «о любовной лирике Мандельштама 1912 года». Возможно, сей казус даже примут за проявление народного духа, тягу и волю к жизни, за несгибаемую уверенность в победе и так далее.

Иной раз потомков получается обмануть, и предатели становятся чуть ли не героями: про генерала Власова уже десять лет назад сняли художественно-документальное кино, и вот-вот выйдет объёмный том его многословной апологии. Потомки штопают раны прошлого. Это нормально, для них история неделима на цвета, вся одинаково важна. Так, Великая Отечественная спаяла белых и красных, а заодно их детей в единый народ. После Победы никакого разделения

не осталось, вплоть до девяностых, пока выпускники Принстона, Кембриджа, Гарварда, Стэнфорда и прочих Оксфордов вновь не вбили клинья раздора в заросшие трещины русской истории и не начали усиленно поливать их ядом собственных смыслов: белые против красных, хохлы против москалей, Урал и Сибирь против Москвы, женщины против мужчин, дети против родителей. Сеятели раздора весьма преуспели и уже изготовились праздновать установление нового мирового орднунга. А что литературные журналы? Тамошние редакции озабочены лишь тем, как бы так говорить, чтобы ничего не сказать, но при этом все всё поняли. Как свернуть фигу в кармане так, чтобы казалось, будто это и не фигу вовсе. Как промолчать столь многозначительно, чтобы эхо от молчания звенело в эфире. Ладно бы этим занимались «дети двадцатого съезда» и прочие пенсионеры. Увы, стараниями и серьёзными финансами было сформировано два поколения писателей, для которых химера трансграничного гуманизма важнее Родины.

Сегодня они готовы выступать под нейтральными флагами, завтра присягнут штандартам завоевателей. Я нагнетаю? Отнюдь! Это уже произошло: от милых песен «за мир» перешли к гимнам врагу за поражение собственного Отечества. Это уже случилось, мы тому свидетели и современники.

В будущем всё это может показаться неважным. В будущем, но не сейчас. Сейчас, в моменте, всепрощение преступно, нам надо выжить и победить.

Значит ли это, что писать нужно только об актуальном? Нет. Автор должен оставаться свободен. Свобода — основа творчества. Однако нет свободы слова без ответственности за слово. Чем талантливее автор, тем больше на нём ответственность. Не страшно ошибаться, страшно настаивать на собственных (пусть искренних) заблуждениях и увести читателя за собой в бездну. Как потом с этим жить? Возможно, это оправдывает нынешнее молчание некоторых наших коллег. Пусть их молчание этически небезупречно, но оно хотя бы не разрушительно.

Что касается нас, мы единожды сделали выбор быть вместе со своей страной в самое тяжёлое время. Мы знаем, кого любим, кого презираем, кого прощаем, кого оправдываем, чьими поступками восхищаемся, и открыто говорим о том с читателями. Вырастет ли из этого настоящая литература? Посмотрим. Но то, что нынешнее время эту будущую литературу питает, — вне всякого сомнения.

*Практически всегда ваш
Даниэль Орлов*

Автор должен оставаться свободен. Свобода — основа творчества. Однако нет свободы слова без ответственности за слово.

МОНОЛОГ ОСКОЛКА

СТИХИ

Ефим БЕРШИН

Поэт, прозаик и публицист, член исполкома Русского ПЕН-центра, автор многих поэтических книг, двух романов и художественно-документальной книги о молдавско-приднестровской войне «Дикое поле», участник многих коллективных поэтических изданий. Вместе с немецким писателем Каем Элерсом создал историко-философскую книгу «Метаморфозы любви. Россия — пульс мировой державы».

Произведения Бершина печатались и печатаются в крупнейших литературных изданиях России. На русском языке и в переводах они выходили в США, Германии, Швейцарии, Израиле, Аргентине, Румынии, Македонии. Лауреат нескольких литературных премий, награждён Европейской академией общественных наук медалью Фридриха Шиллера. Живёт в Москве.

* * *

Их пришли убивать. Убивать за то, что у них есть родной язык и они не пожелали от него отказаться.

Их пришли убивать. Убивать за то, что у них есть родной язык и они не пожелали от него отказаться. Убивать за то, что отказались сдаться новому нацизму. Убивать, наконец, за то, что они — просто другие. Тогда они смастерили из обыкновенного самосвала «броневик», вывели его на высокий берег Днестра, а на бортах этой странной боевой машины огромными белыми буквами вывели два слова: «НЕ УБИЙ!».

Когда я в качестве корреспондента «Литературной газеты» оказался в окопах приднестровско-молдавской войны, я, конечно, многого не понимал. И цикл стихов «Монолог осколка» написал только через несколько лет. Потому что мир для меня перевернулся. И нужно было время, чтобы осознать: всё, чем жил, все ценности, которые были для меня несомненны, — всё

это исчезло. И нужно всё начинать сначала. И только потом — писать.

Начинаю подозревать, что в человеке заложено нечто такое, что заставляет его забывать историю, забывать собственные преступления и приниматься за новые. Приднестровские степи и молдавские холмы хорошо помнят румынский и немецкий нацизм Второй мировой войны. Они помнят бомбёжки, расстрелы и массовое уничтожение людей по национальному признаку. Но там же, на тех же улицах, на берегах того же Днестра, летом 1992 года разразилась новая бойня. Почему? Мы не знаем, в чём заключается Провидение. Может быть, так и надо. Может быть, наступает время, когда человек, даже всё понимая, уже не может управлять собой, и его неудержимо тянет к войне, к разрушению, к убийству себе подобных. И причины уже не столь важны, потому что такое стремление — абсолютно иррационально. И, кстати, не нужно думать, что всё зависит от самих людей. Человек, теряющий разум, сам собой не управляет. Шквал сфабрикованной взаимоисключающей информации, которую не в состоянии критически усваивать человеческий мозг, действительно сводит людей с ума. Тем более что информационные технологии давно уже беззастенчиво манипулируют не только нравственными принципами, но и самими основами человеческого существования.

Мир — больше не мир — маска мира.

Вместо реальной жизни мы получаем подмену, маски. Маску религий, маску демократии, маску патриотизма, маску страны. И даже маску Бога. Современный нацизм страшен ещё и тем, что норовит натянуть на себя маску человеколюбия, маску законности и демократии. И многие добрые, отзывчивые и даже интеллигентные люди по этой причине скажут потом, что ни о чём не догадывались, что совершенно не понимали происходящего. А много ли нужно знать, чтобы перестать наконец оправдывать убийство людей? Много ли нужно знать, чтобы не воровать и не лжесвидетельствовать? Иногда кажется, что человечество опять идёт по пустыне. Но не туда, где из горящего куста явились на свет скрижали, а — в обратную сторону. Да и пустыня не та.

Вместо реальной жизни мы получаем подмену, маски. Маску религий, маску демократии, маску патриотизма, маску страны. И даже маску Бога. Современный нацизм страшен ещё и тем, что норовит натянуть на себя маску человеколюбия, маску законности и демократии.

МОНОЛОГ ОСКОЛКА

*Одиноким,
бесформенным нервом,
воплощённый в бугристый металл,
словно ангел —
меж небом и небом —
сиротливый осколок летал.*

1

На земле меняется индекс цен.
На рубле рисуется мой портрет.
Сиротливый снайпер глядит в прицел,
как сановный пращур глядел в лорнет.

И пока ты стирала со щёк глаза,
и пока я маялся горящим горлом,
под свинцовым ливнем легла лоза,
подавился бьют пионерским горном.

Обречённо влюбляясь в изгиб моста,
словно пуля, пленённая сердцем голубя,
я стремился вниз.
И была пуста
траектория смерти,
как поле голое.

Я три дня и три ночи совсем не спал.
Я летал, пережаренный, как в аду.
Ты прости,
если я в тебя не попал.
Ты прости,
если я ещё попаду.

2

Отделённый от пустого тела,
как младенец в сморщенной горсти,
в яслях неба
слепо, неумело
чёрный ангел надо мной гостит.

Это я, рождённый от металла,
словно рубль — от медного гроша.
Это надо мной моя витала
чёрная осколочья душа.

Это я, как на арене цирка,
одиноким, голый, как в раю,
вертикально тощий, словно циркуль,
на горящей площади стою.

Это я среди безумной сечи,
лёгкий, как оголодавший мим,
улетаю, чтобы пересечься
со свистящим ангелом моим.

Это мне, забившемуся в щели,
не дано понять в сплошном огне —
то ли это я уже у цели,
то ли это он уже во мне.

3

Мы жили там,
где счастья мрачный поиск
на нет сводила долгая зима,
где медленно,
как сходит с рельсов поезд,
сходило человечество с ума.

И потому, уйдя на зов заката
туда, где пляж целуется с рекой,
ты тихо скажешь: я не виновата.
И обернёшься,
и махнёшь рукой
той пустоте,
что мной была когда-то.

4

Утром с куста опадает вода,
ночью с креста опадает хламида.
Нам, как прямым по капризу Евклида,
не пересечься уже никогда.

Мы разминулись в пустых небесах,
мы разошлись в Иудейской пустыне.
Ты не узнаешь, как медленно стынет
утренний снег в подмосковных лесах.

Нам обезумевший от икоты,
освобождённый от праведных пут,
через разрывы, раскаты, окопы
пьяный чертёжник прокладывал путь.

Страшен покой возбуждённой душе,
как захмелевшим словам — идиома.
Мир — геометрия идиота.
Нам не дано пересечься уже.

Будут прямые дружить на кресте,
будут гвоздями пронизывать руки,
будут, свистя, возвращаться на круги
пули в свирепой своей наготе.

Сном Иоанновым наяву
будет усеивать улицы падаль,
будет звезда Вифлеемская падать
на разорённые ясли в хлеву.

5

И было:
свалившееся за клеть,
как не остывшая стеклотара,
солнце,
и Днестр,
похожий на плеть,
уже изогнутую для удара,

и отдалённый лягушечий плеск,
и тишина, как зрачок абрикоса,
стрекот цикад
и внезапная плешь
остывающего покоса,

к стихосложению бессмысленный дар,
обречённый,
словно визит к аптекарю,
и выстрел — будто захлопнули портсигар
так,
что потом прикуривать некому.

6

Я встал меж ними,
где дышали
воронки струпьями огня.
И с двух сторон они решали,
кому из них убить меня.

Но не решили.
Солнце село,
изнанку леса показав.
Я спутал логику прицела,
задачу передоказав.

И снайперы,
сверкнув затвором,
лишь птиц спугнули с чёрных крон.
А я себе казался вором,
укравшим пищу у ворон.